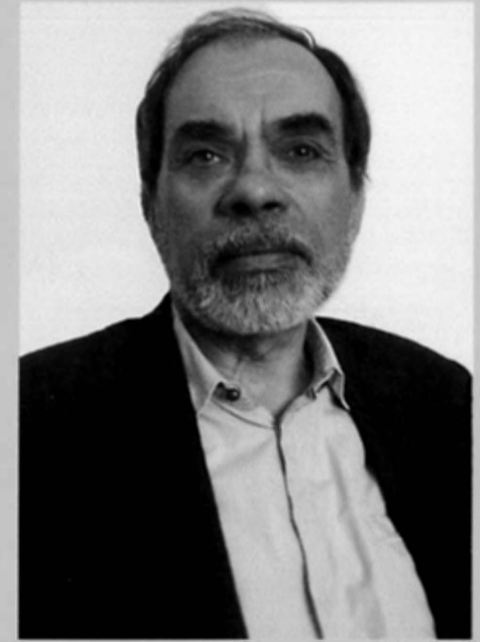

Русская культура в Европе
Russian Culture in Europe

∞

From Medieval Russian Culture to Modernism

Studies in Honor of Ronald Vroon

Edited by Lazar Fleishman,
Aleksandr Ospovat, and Fedor Poljakov

PETER LANG

Internationaler Verlag der Wissenschaften

Русская культура в Европе

Russian Culture in Europe

edited by

Fedor B. Poljakov (Vienna)

Vol.8

Editorial Board

Wladimir Berelowitch (Paris/Geneva)

David M. Bethea (Madison/Oxford)

Adelbert Davids (Nijmegen)

Lazar Fleishman (Stanford)

Francine-Dominique Liechtenhan (Paris)

Michael Moser (Vienna)

Michael Wachtel (Princeton)

This series is edited in association with

The Russian Diaspora Research Group, which is
affiliated with the A. A. Bredius Foundation
(Hernen, The Netherlands)

From Medieval Russian Culture to Modernism

Studies in Honor of Ronald Vroon

Edited by Lazar Fleishman,
Aleksandr Ospovat, and Fedor Poljakov

PETER LANG

Frankfurt am Main · Berlin · Bern · Bruxelles · New York · Oxford · Wien

PETER LANG

Internationaler Verlag der Wissenschaften

**«В розовом блеске» Алексея Ремизова:
память культуры и ритуал поминовения**

Федор Поляков
Universität Wien

Поздняя мемуарная проза Алексея Ремизова использует приемы изображения событийной синхронии, допускающие технику коллажа – описываемая реальность может сочетаться с ее мифотворческой интерпретацией, документальные свидетельства (например, частности историко-литературного быта) – с элементами игры, вымысла и антиповедения (ремизовского «безобразия»). Такой мифопоэтически претворенный материал зачастую содержит отсылки к именам, образам или событиям, в которых прослеживается иная, расширенная временная перспектива, т.е. диахронический аспект событийности, ее исторический ритм. Взаимодействие этих различных способов представления исторического времени и преемственности культуры в ее материальных и письменных знаках позволило создать столь семантически сложные композиции как «Взвихренная Русь» или «Россия в письменах». Механизмы сохранения в художественном тексте Ремизова памяти об *истории* оказываются аналогичными формам сохранения памяти как воспоминания о *человеке*. Ниже мы рассмотрим пересечение этих двух планов восприятия времени в мемориальном контексте, наиболее существенном для биографического пространства Ремизова – создании и закреплении образа Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (1876–1943) в его книге «В розовом блеске». Нас особо интересует заключительная часть этого повествования, в котором встречается функциональная рекомпозиция традиции русской археографии. Поскольку же тематика Ремизова пронизана идеей связи древнерусского письменного наследия с последующими эпохами, нам представляется уместным отметить здесь близость такой мировоззренческой парадигмы тому редкому в условиях современной специализации типу историка литературы, к которому принадлежит Рональд Вроон, не только последовательно обращавшийся к изучению отдельных периодов русской литературы, но и преодолевавший

границы между историей древней и новой культуры в ряде четких и вдохновляющих исследований.¹

Книга «В розовом блеске» была опубликована при жизни Ремизова в «Издательстве имени Чехова» в 1952 г., а затем воспроизводилась фототипически и перепечатывалась.² Часть включенных в нее материалов появлялась ранее и отдельно, причем некоторое количество текстов, предназначенных Ремизовым для нью-йоркского издания, в него не попало из-за ограничений в объеме публикации.³ Между тем именно совокупность биографических деталей, приведенных в некое композиционное единство, отражает общий интерпретационный замысел Ремизова. Поэтому для его прояснения необходимо научное издание с текстологическим аппаратом, а также привлечение обширного биографического материала, собранного Ремизовым в четырнадцать «Книгах записей С. Ремизовой-Довгелло» и отчасти использованного в романе «В розовом блеске».⁴

- 1 Ronald Vroon, «The Old Belief and Sectarianism as Cultural Models in the Silver Age», Robert P. Hughes and Irina Paperno (eds.). *Christianity and the Eastern Slavs*. Vol. II. *Russian Culture in Modern Times* (Berkeley–Los Angeles–London, 1994), pp. 172–190 (California Slavic Studies XVII).
- 2 А. Ремизов. *В розовом блеске* (Нью-Йорк, 1952); А. Ремизов. *В розовом блеске*. Aleksey Remizov. *In a Rosy Light*. Introduction by James West (Letchworth, 1969) (Rarity Reprints, no. 8); Алексей Ремизов. *В розовом блеске: Автобиографическое повествование. Роман*. Составление, подготовка текста, вступ. статья и примечания В.А. Чалмаева (Москва, 1990), стр. 400–727 (с немотивированным опущением текстов «Из Берестовецкого архива Довгелло», нарушающим авторский замысел).
- 3 H el ene Sinany. *Bibliographie des  uvres de Alexis Remizov* (Paris, 1978), pp. 78–80, no. 78 (Biblioth que russe de l’Institut d’ tudes Slaves, XLIV); А.М. Грачева. *Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910 – 1950-е годы)* (С.-Петербург, 2010), стр. 345–346, 463.
- 4 Antonella D’Amelia, «L’epistolario coniugale die A.M. Remizov», *Europa Orientalis IV* (1985), pp. 143–147; Антонелла Д’Амелия, «Поздние повести Ремизова: В поисках жанра», *Алексей Ремизов. Исследования и материалы*. Отв. ред. А.М. Грачева (С.-Петербург, 1994), стр. 104–123. – Говоря о пересказе Ремизовым снов С.П., включенных в этот биографический роман, Т.В. Цивьян пронизательно отмечает наличие некоего имманентного репертуара их общих слов и представлений: Т.В. Цивьян, «О ремизовской гипнологии и гипнографии», *Серебряный век в России. Избранные страницы* (Москва, 1993), стр. 299–338, особ. стр. 323. Ремизовские «Книги записей...» могут служить иллюстрацией тезауруса именно таких совместных текстов, создающих общее биографическое пространство.

По словам Ремизова, его книга продолжает развитие жизненной канвы героев романа Лескова «Некуда». Одним из этапов литературного осмысления биографии Серафимы Павловны, замысленной как выход из разветвленных тупиков русского нигилизма, стала его повесть «Оля» (1927 г.). В нашем тексте героиня, начав действовать, до замужества, под этим именем, далее уже прямо отождествляется с Серафимой Павловной, и повествование включает в себя рассказ о событиях из жизни С.П., а потом и об обстоятельствах ее кончины.⁵ История жизни С.П. в книге «В розовом блеске» соотнесена с историей рода Довгелло. Компоненты фамильного герба, упоминаемого Ремизовым («голова львова, сера космата с огненной пастью в поле блакитном»), отражены в заглавиях частей повествования (первая часть – «С огненной пастью», вторая часть – «Голова львова»); отдельно напечатанная повесть названа «В поле блакитном»), создавая таким образом мифологизированный нарратив.⁶ Семантика наименований закодирована; без референтной соотнесенности с описанием герба Довгелло она оставалась бы маловразумительным орнаментом. Типологическая параллель такого использования геральдических эмблем в биографическом описании встречается в литературе барокко, в том числе и на восточнославянской почве.

Зашифрованная информация также содержится и в заглавии книги. Что означает выражение *в розовом блеске*, почему это название выбрано

- люстрацией тезауруса именно таких совместных текстов, создающих общее биографическое пространство.
- 5 Отметим, что описание революционных идеалов в повести Ремизова «Оля» десятилетие спустя после ее появления попало под прицел русской национал-социалистической критики из-под пера В.А. Амфитеатрова-Кадашева в берлинской газете *Новое Слово* в 1939 г.: Amory Burchard, «Aspekte des russischen kulturellen Lebens in Berlin unter dem Nationalsozialismus», Adelbert J.M. Davids, Fedor V. Poljakov (Hrsg.). *Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert. Religi ses und kulturelles Leben* (Frankfurt am Main, 2008), S. 271–315, особ. стр. 294–296 (Русская культура в Европе, 4). – О кончине С.П. Ремизовой-Довгелло 13 мая и о панихиде в вокресенье 30 мая в митрополичьем кафедральном храме Знамения Божией Матери (65, рю Микель-Анж, XVI) было объявлено в газете *Парижский вестник* (№ 50, 29 мая 1943, стр. 3).
- 6 Ольга Раевская-Хьюз, «Образ С.П. Ремизовой-Довгелло в творчестве А.М. Ремизова (К постановке проблемы)», *Алексей Ремизов. Исследования и материалы*, стр. 9–18; описание герба в главе «Задора–Довгелло»: Ремизов. *В розовом блеске*, стр. 385.

для книги памяти? Несколько контекстов Ремизова позволяют установить связь отражаемого (блестящего) розового цвета с гаммой красок Андрея Рублева:

Мы стоим рядом лицом к окну: она вся в белом и вся светится: платье, лицо и руки – приподнятые руки – глаза и улыбка – в розовом блеске, такой блеск я помню у Рублева.⁷

На расспросы Наталии Кодрянской, что из области искусства осталось с Ремизовым на всю жизнь, он называет ряд имен, приводя ту же, по-видимому, устойчивую в его представлениях ассоциацию:

А в музыке? – Шуман и Мусоргский. В живописи – Рублев, особенно его розовый блеск.⁸

Без дополнительной авторской расшифровки эта ассоциация также оказалась бы непонятной или неявной. Итак, в названии текста скрыт сложный, архаический по происхождению иконографический символ, наполненный культурной памятью в индивидуальной ремизовской трактовке.

Эти примеры показывают, что Ремизов закрепляет свое повествование на нескольких уровнях памяти, которые отличаются своей глубиной. Объект его художественного описания не ограничен собственными воспоминаниями автора о рассказанном и пережитом, но обозначается при

7 Ремизов. *В розовом блеске*, стр. 377. Не касаясь подробно обоснования этой ремизовской ассоциации в иконографическом наследии Андрея Рублева, можно предположить, что на нее оказали воздействие росписи Благовещенского собора Московского Кремля и икона Пресвятой Троицы. Поскольку Ремизов, в силу своей близорукости, видел мир «подстриженными глазами», следует учитывать и эту особенность его цветовых характеристик. – По классификации семантики иконописной цветовой гаммы, предложенной Е.Н. Трубецким в замечательной работе «Два мира в древне-русской иконописи» (1916 г.), розовый цвет, как и пурпурный, символически представляет «соприкосновение солнечного света со тьмою», «конец тяжкому сну греховному» и другие ситуации пересечения плана земного существования с потусторонним миром, однако его примеры не касаются Рублевского творчества: Князь Е.Н. Трубецкой. *Три очерка о русской иконе* (Paris, 1965), стр. 71–83. Некоторые материалы о литературной рецепции Андрея Рублева см. в кн.: Валерий Лепяхин. *Образ иконописца в русской литературе XI–XX веков* (Москва, 2005), стр. 413–448.

8 Наталья Кодрянская. *Алексей Ремизов* (Париж, 1959), стр. 111.

помощи элементов традиции, не только личной (история рода Довгелло), но и общезначимой (Андрей Рублев). Этот мнемотехнический прием позволяет, в частности, рассмотреть вопрос о роли рукописных документов и археографических материалов в композиции мемориально-литературного повествования Ремизова.

Документы такого рода, восходящие к семейному архиву Довгелло, были внесены в конец третьей, заключительной части книги – «Сквозь огонь скорбей».⁹ Гетерогенность литературного и документального материала создает эффект контрастного воздействия. При достаточно отчужденном чтении одна составляющая может быть противопоставлена другой, что зафиксировано, например, в письме неизвестного отправителя из дружеского круга Корнея Чуковского и сообщено им Вадиму Андрееву (1958 г.):

То, что ему кажется написанным «кровью сердца» – о смерти С.П., как часто это бывает, оказалось слабее всего. Но конец – архив Довгелло произвел на меня неожиданно сильное действие и я опять подумала: нужно обладать чертовски сильным музыкальным чутьем, чтобы так кончить эту книгу. Голоса предков как-то органно, просто, торжественно звучат – в письмах, без телеграфно-телефонно-самолетного времени, есть что-то волнующее, исчезнувшее из современной переписки – письмо идет долго, значит, в нем новости должны быть солидные, которые не испортятся в пути: болезни, балы, смерти. <...>¹⁰

В завершающей главе собственно биографического повествования о С.П., которая предшествует этим документальным материалам, Ремизов описывает ее занятия славянской палеографией, обучение в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте, сообщает имена ее учителей

9 Первая редакция этой части была начата после июня 1943 г. и была написана за полгода: А.М. Грачева. *Жанр романа и творчество Алексея Ремизова*, стр. 304–305, 457–458. См. также: «Дневник Алексея Ремизова 1941 года». Вступ. статья, подготовка текста и комментарии А.М. Грачевой, *Блоковский сборник XVI. Александр Блок и русская литература XX века* (Tartu, 2003), стр. 184–200.

10 «Письмо К.И. Чуковского В.Л. и О.В. Андреевым». Публикация Ольги Андреевой-Карлайл, *Aleksej Remizov. Studi e materiali inediti*, a cura di А.М. Грачева e А. D'Amelia / Алексей Ремизов: *Исследования и материалы*. Отв. ред. А.М. Грачева и А. Д'Амелия (С.-Петербург – Салерно, 2003), стр. 323–325, особ. стр. 324–325.

и авторов палеографических исследований и альбомов.¹¹ Приведем несколько сегментов его описания, выделив отдельные повествовательные элементы цифрами в квадратных скобках:

- [II] Главные пособия – книги: А.И. Соболевского, И.А. Шляпкина, Е.Ф. Карского, В.Н. Щепкина, И.<И.> Срезневского, И.В. Ягича, Ф.И. Буслаева, Н.М. Каринского, П.А. Лаврова, И.Ф. Колесникова, И.С. Беляева, В.В. Майкова, Н.К. Грунского, Н.П. Лихачева.
- [III] Одаренная необыкновенной памятью, она без книг читала из древних памятников русской письменности XI–XVII века, отчетливо, ясно и со всем спокойствием уверенности, никогда не фальшивя в интонации. Голос звучал виолончелью, увлекая внимание и легко проникали в память слушателя слова. Чтение без книг очаровывало. А ясность глаз и улыбка – светили живым светом и освещали древний текст.
- [III] Последнее ее выступление на открытом заседании в Обществе Друзей Русской Книги о русских рукописных книгах, всем памятно.
- [IV] «Рад бысть заяц, изринувшись от тенета, а рыба от сети, а птица от клепца, а должник от резоимца, а холоп от господаря, так рад бысть писец достигши в книзе остаточного слова пролога сего и последнии строки видючи, яко святого воскресения».
- [V] Да помяну имена трудившихся над русскими древними письменами и научивших нас искусству чтения; имена историков, исследователей и собирателей; имена повторяемые среди многолетних занятий – спутников мысли и руководителей:

(1)	Оленин
(2)	Ермолаев
(3)	Калайдович
(4)	Митрополит Евгений
(5)	Востоков
(6)	Солнцев
(7)	Грамонин
(8)	Строев
(9)	Кочановский
(10)	Надеждин

11 Подробнее о программе обучения в Археологическом институте см. в исследовании: А.М. Грачева. *Алексей Ремизов и древнерусская культура* (С.-Петербург, 2000), стр. 75–78 (Studiorum Slavicoorum Monumenta, t. 19).

(11)	Погодин
(12)	Бодянский
(13)	Шевырев
(14)	Буслаев
(15)	Горский
(16)	Новоструев
(17)	Ягич
(18)	Срезневский
(19)	Прозоровский
(20)	Соболевский
(21)	Пыпин
(22)	Тихонравов
(23)	Шахматов

* * *

- [VI] «Рад бысть корабль, переплывши пучину морскую, также и писец книгу свою. Аминь».¹²

Столь непосредственное объединение профессиональной информации [II], обходящейся в данном случае без ремизовского игрового элемента, и личного воспоминания [III] обуславливает создание особого мемориального контекста. Его действенность подчеркивается обращением и к коллективному свидетельству – «всем памятно» [III], как бы еще раз подтверждающему истинность сообщаемого. Здесь содержится ссылка на выступление С.П. «Русские рукописные книги», которое состоялось на заседании упомянутого Общества 23 октября 1936 г., вместе с сообщением П.Н. Милюкова «Первопечатник Иван Федоров».¹³ Таким образом,

12 Ремизов. *В розовом блеске*, стр. 400–402.

13 *Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни 1920 – 1940. Франция. Т. 3. 1935 – 1940.* Под общей редакцией Л.А. Мнухина в сотрудничестве с Т.Л. Гладковой, Т.И. Дубровиной, В.К. Лосской и Н.А. Струве (Москва, 1996), стр. 235. Сообщение П.Н. Милюкова было опубликовано: *Временник Общества Друзей Русской Книги IV* (Париж, 1938), стр. 31–42; *Временник Общества друзей русской книги* (Москва, 2007), стр. 463–474. В отчетных материалах Общества за 1937 г. упомянуто имя С.П. Ремизовой-Довгелло и ее выступление в предшествующем году: *Временник Общества ...*, стр. 291–292 (это издание тиражом 400 экземпляров вышло в декабре 1937 г.); *Временник Общества друзей русской книги* (Москва, 2007), стр. 723–724.

включение социума делает возможным расширить границы повествования, используя прием из области ритуализированного поведения. Далее приводится колофон древнерусской рукописи [IV], т.е. формульный текст с устойчивой функцией завершения книги. Даже при столь непрозрачной, стандартной графической передаче текста, которая применена в издании «В розовом блеске», в этом месте заметно авторское стремление к отграничению его от предыдущей фразы. Однако вместо ожидаемого конца повествования, обозначаемого колофоном, оно продолжено перечнем имен [V] и завершается, опять-таки с дополнительным графическим отграничением, еще одним древнерусским колофоном [VI]. Окончание текста, знаком которого является колофон, оказывается в данном случае проницаемой границей.

Источником колофона [IV] послужила приписка писца Пролога XVI века из собрания Виленской Публичной библиотеки (№ 101); как мы предполагаем, этот кодекс мог привлечь внимание Ремизова не только своей развернутой формулой, но и своим местонахождением, связью с литовскими землями, как и род Довгелло.¹⁴ Таким образом, между цитатой и объектом описания может существовать более глубокая референтная соотнесенность, более глубокая мотивировка при выборе этого компонента в мемориальном контексте. Интересно выяснить источник и второй древнерусской цитаты [VI], также встретившейся Ремизову в одном из пособий по палеографии (например, у Е.Ф. Карского). Колофон заимствован из погибшей книги – Шенкурского пролога, написанного по заказу некоего Остафия Васильевича дьячком Давыдом в Новгороде в августе 6737/1229 г. для отсылки в храм Спаса за Волок в Шенкурье. Сведения о кодексе сообщались К.Ф. Калайдовичем в одной из наиболее ранних публикаций по русской археографии – «Известии о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных» (*Вестник Европы*, 1811); книжная торговля антиквара Ферапонтова находилась у кремлевского Спасского моста. Пролог был приобретен известным коллекционером, профессором Московского университета Ф.Г. Баузе и погиб

14 Федор Поляков, «Славяно-русская палеография в биографическом повествовании Алексея Ремизова», Miloš Okuka, Ulrich Schweier (Hrsg.). *Germano-Slavistische Beiträge. Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag* (München, 2004), стр. 473–481 (Die Welt der Slaven. Sammelbände / Сборники, Bd. 21).

после смерти владельца во время московского пожара 1812 г. Таким образом, из числа возможных и палеографически описанных источников древнерусских писцовых формул Ремизов выбирает две рукописи, связанные с Литвой и Москвой.

В печатную версию списка [V] вкралось несколько опечаток при передаче имен: № (7) *Грамонин* вместо *Тромонин*; № (9) *Кочановский* вместо *Каченовский*; № (16) *Новоструев* вместо *Невоструев*.¹⁵ Идентификация остальных имен не представляет сложности: Алексей Николаевич Оленин (1763–1843); Александр Иванович Ермолаев (1779–1828); Константин Федорович Калайдович (1792–1832); митрополит Евгений (Болховитинов; 1767–1837); Александр Христофорович Востоков (Alexander Woldemar Osteneck; 1781–1864); Федор Григорьевич Солнцев (1801–1892); Павел Михайлович Строев (1796–1876); Николай Иванович Надеждин (1804–1856); Михаил Петрович Погодин (1800–1875); Осип Максимович Бодянский (1808–1877); Степан Петрович Шевырев (1806–1864); Федор Иванович Буслаев (1818–1897); Александр Васильевич Горский (1812–1875); Игнатий Викентьевич Ягич (Vatroslav Jagić; 1838–1923); Измаил Иванович Срезневский (1812–1880); Дмитрий Иванович Прозоровский (1820–1894); Алексей Иванович Соболевский (1856/57–1929); Александр Николаевич Пыпин (1833–1904); Николай Саввич Тихонравов (1832–1893); Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). В этот перечень не вошло несколько исследователей, трудами которых Ремизов широко пользовался (например, А.Н. Веселовский) или с которыми он сам поддерживал отношения (И.А. Шляпкин, ранее уже упомянутый в сегменте [II], вместе с Буслаевым, Срезневским и Ягичем, снова оказавшимися, однако, и в перечне [V], или же А.И. Яцимирский); с другой же стороны имена, попавшие в список, были значимы для Ремизова, конечно, далеко не в одинаковой степени. Некоторые из них упоминались в его произведениях (М.П. Погодин), влияя на содержательные или композиционные параметры текста, или представляли собой важные вехи для собственной биографии писателя за счет каких-то символических пересечений (Н.И.

15 Имеются ввиду составитель альбома водяных знаков Корнилий Яковлевич Тромонин († 1847), глава русской «скептической школы» Михаил Трофимович Каченовский (1775–1842), археограф Капитон Иванович Невоструев (1815–1872).

Надеждин, А.А. Шахматов).¹⁶ Другие имена связаны с открытием и описанием рукописей и древних письменных памятников, с изданиями текстов, с примерами научного подвига. Список может быть фрагментарным по отношению к кругу занятий С.П. или чтению Ремизова, наконец он может представлять лишь усеченную версию того, что было отмечено автором в его подготовительных материалах и не попало в опубликованное издание, однако его место в композиции книги и контекст его появления свидетельствуют об особой роли этого перечня имен как способа утверждения определенной преемственности.

Как мы видим, в отличие от обращения к современным свидетелям жизни С.П., т.е. синхронному аспекту в сегменте [III], этот список должен утвердить память о ней при помощи контекста профессионального; иначе говоря, биографическое описание расширено здесь за счет создания *археографического кода* культурной памяти. Заключительные страницы книги «В розовом свете» содержат, таким образом, не просто перечень книг и имен, ослабляющий художественную целостность воспоминания, но, напротив, текст, отражающий многоступенчатый механизм сохранения памяти.

В книге, фиксирующей память о земной жизни С.П., индивидуальная память о человеке сопряжена с памятью культуры, найдена форма их взаимосвязи – воспоминание о С.П. вызывает упоминание имен того круга ученых, с которым в диахронической перспективе соотнесена ее профессиональная деятельность. Функционально такой перечень имен имеет определенную аналогию в православной традиции поминовения. Это *синодик*, более специальная разновидность которого называлась Помянник; такие памятники представлены и литературными, и самыми рудиментар-

16 Отношения Ремизова с А.А. Шахматовым исследованы А.М. Грачевой (А.М. Грачева. *Алексей Ремизов и древнерусская культура*); о роли Н.И. Надеждина в биографическом повествовании Ремизова см. комментарий О.П. Раевской-Хьюз: А.М. Ремизов. *Собрание сочинений*. Т. 8. *Подстриженными глазами. Иверень* (Москва, 2000), стр. 401, 411–412. Отметим, что в начале 1940-х гг. Ремизов еще раз начал перечитывать огромный двадцатидвухтомный труд Н.П. Барсукова *Жизнь и труды М.П. Погодина*; А.М. Грачева. *Жанр романа и творчество Алексея Ремизова*, стр. 304.

ными формами.¹⁷ Как перспектива синхронии, завершаемая колофоном [IV], так и диахроническая перспектива намечает свой собственный повествовательный ряд, снабженный отдельным колофоном [VI]. Профессиональный круг имен вводится терминологическим выражением «Да помяну...» и в мемориальном контексте рассказа о кончине С.П. приближен к списку имен для поминовения усопших за литургией.

Таким образом, сегмент [V], как и сегмент [III], содержит напоминающие о ритуальных формах сохранения памяти социумом. Сочетая в рамках повествования «В розовом блеске» компоненты с различными жанровыми признаками, Ремизов разработал механизм памяти, укорененный в православной традиции и стремящийся к временному синкретизму, который призван гарантировать глубину охвата человеческой жизни в потоке времени.

17 Е.В. Петухов. *Очерки из литературной истории Синодика* (С.-Петербург, 1895) (Имп. Общество Любителей Древней Письменности, 108); Н.В. Поньрко, «Синодик», *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Отв. ред. Д.С. Лихачев. Вып. 2. (Вторая половина XIV – XVI в.). Часть 2 (Ленинград, 1989), стр. 339–344, особ. стр. 342–343; Ирина Дергачева. *Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII веков (на материале Синодика)* (München, 1990) (Specimina Philologiae Slavicae, Bd. 89); Ludwig Steindorff. *Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge* (Stuttgart, 1994) (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, Bd. 38). – Синодиками также занимался Иван Александрович Шляпкин, учитель С.П. и собеседник Ремизова.